

**МЕНТАЛЬНЫЕ ВОЙНЫ XX-XXI ВВ.: ТЕРМИНОЛОГИЯ,
ОСНОВНЫЕ СТРАТЕГИИ, ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ**

**THE MENTAL WARS IN THE XX-XXI CENTURIES: TERMINOLOGY,
BASIC STRATEGIES, APPLICATION PRACTICE**

УДК 355.01

НИКИТИН Юрий Александрович

доктор экономических наук, профессор

ПОПРАВКО Елена Александровна

доктор исторических наук, доцент

NIKITIN Yury Aleksandrovich

Doctor of Economic Sciences, Professor

POPRAVKO Elena Aleksandrovna

Doctor of Historical Sciences, Associate Professor

***Аннотация.** Понимание значения невоенных факторов пронизывает стратегические концепции XX-XXI вв., трансформация и смена которых отразила представление о силах и средствах такого противостояния, которое условно можно обозначить термином «ментальные войны». Развитие стратегических концепций в XX-XXI вв. отражает возрастающую роль социальных факторов в геополитическом противостоянии. Все проанализированные концепции отражали суть проблем и понимание путей их решения, характерные для конкретных периодов. Стремительное изменение ситуации, в том числе появление новых высокотехнологичных средств вооружённой борьбы, способствовали быстрому обновлению концепций взаимного противостояния. Только концепция «тотальной войны» продержалась более двух десятков лет, остальные концепции использовались куда меньший срок. Современный этап геополитического противостояния характеризуется развитием идей информационной войны. Очевидным трендом последних лет стала трактовка информационного противостояния не только как высокотехнологичного, но и направленного на сферу коллективной психологии (ментальности).*

***Ключевые слова:** ментальная война, информационная война, тотальная война, опосредованная война, кризисная дипломатия, второе направление дипломатии, ненасильственные действия.*

***Abstract.** Understanding the meaning of non-military factors permeates the strategic concepts of the XX-XXI centuries, which transformation and change reflected the idea of the forces and means of such a confrontation conditionally designated by the term «mental wars». The development of strategic concepts in the XX-XXI century reflects the increasing role of social factors in the geopolitical confrontation. All the analyzed concepts reflected the essence of the problems of specific periods and the understanding of ways to solve them. The rapid change in the situation, including the emergence of new high-tech means of armed struggle, contributed to the rapid renewal of the concepts of mutual confrontation. Only the*

concept of «total war» lasted for more than two decades, the other concepts were used for a shorter period. The current stage of the geopolitical confrontation is characterized by the development of ideas of information warfare. In recent years the interpretation of information confrontation not only as high-tech, but also aimed at the sphere of collective psychology (mentality) has become an obvious trend.

Keywords: *mental war, information war, total war, proxy war, crisis diplomacy, track two diplomacy, nonviolent actions.*

Понимание значения невоенных факторов пронизывает стратегические концепции XX-XXI вв., трансформация и смена которых отразила представление о силах и средствах такого противостояния, которое условно можно обозначить термином «ментальные войны», цель которой – «уничтожение самосознания, изменение ментальной, цивилизационной основы общества противника ... «ментальная война», направленная на разрушение мировоззрения и цивилизационных основ противника» [4; 5].

Одним из первых терминов для описания новой реальности, предложенных в начале XX в., стало понятие «тотальная война» Э. Людендорфа: «Теперь поле битвы простирается на всю территорию воюющих народов. Гражданское население наравне с армией на себе испытает прямое воздействие войны, хотя оно испытает его неравномерно, в зависимости от близости к театру боевых действий. Оно будет испытывать на себе и опосредованное действие материальных и моральных средств войны: голодной блокады и пропаганды ... Тотальная война имеет в виду не только армию, но и народы. «Око за око, зуб за зуб», – вот истинный девиз тотальной войны» [15, S. 11] (здесь и далее перевод с нем. – Никитина Ю.А., перевод с англ. – Поправко Е.А.). «Армия укоренена в народе, с которым она составляет единое целое; в тотальной войне армия станет такой, какой ее сделают физические, экономические и духовные силы народа. Духовная связь – это то, что в конце концов решает исход борьбы за жизнь: только народ, соединённый

такой связью, может послужить опорой для армии, ведущей тотальную войну» [15, S. 87]. Среди мер воздействия на врага предлагалось использовать (исходя из опыта I-й Мировой войны) пацифистскую и антиправительственную пропаганду, финансовую поддержку «пятой колонны» (внутреннего врага, коллаборационистов и т.п.), политический террор против руководителей страны-противника. Это нарушает то, что Людендорф назвал «душевной закрытостью народа» – то есть состояния, обеспечивающего монолитную идейную целостность нации.

Обращаясь к концепции «тотальной войны» Э. Людендорфа, советская и российская историография прежде всего видела в ней идейную основу германского фашизма, готового применить для достижения своих целей любые средства [2, С. 116-128]. Мало кто обращал внимание, что и Людендорф, и его последователи 1930-х гг. понимали, что немцы – нация, не способная к «тотальной войне». Отсюда рекомендация (у Людендорфа) и применение на практике стратегии блиц-крига: только в короткой по времени войне Германия может поддержать требуемое в современной войне идеологическое единство и не стать жертвой очередного «ножа в спину».

Применяя концепцию «тотальной войны», Третий Рейх стремился к пропаганде собственной идеологии (и нацизм, и фашизм смогли стать влиятельным трендом, вызывая сочувствие к тем или иным своим идеям у значительной части мирового сообщества); к подрыву внутреннего единства своих врагов, в том числе унаследовав от Германской империи и Веймарской республики умелое разыгрывание в идеологической войне против РСФСР, а потом СССР «украинского вопроса» [3]. II-я Мировая война (и её часть – Великая Отечественная) показала, что, при наличии определённых проблем, СССР как страна и советский народ как нация продемонстрировали высочайшую способность к «тотальной войне»: не отрицая наличия предательства, коллаборационизма и т.п. проблем, степень внутреннего единства и готовности к длительному перенесению трудностей,

продемонстрированная советскими людьми, не имели аналогов в других странах [8, С. 152-157; 9, С. 173-179; 10, С. 184-190].

В русском зарубежье в межвоенный период и на основе опыта I-й и II-й Мировых войн, а также национально-освободительных движений послевоенного времени, сформировалась концепция «мятежевойны» Е.Э. Месснера. Её автор, в отличие от Э. Людендорфа, который рассматривал «душевную закрытость нации» как важное (но не единственное) условие, влияющее на способность армии вести войну, подчеркнул иные черты новой формы вооруженных конфликтов – «Мятежевойны»: в ней *«воителями являются не только войска и не столько войска, сколько народные движения (выделено авторами – Ю.Н., Е.П.). ... если в войнах классического типа психология постоянных армий имела большое значение, то в нынешнюю эпоху всенародных войск и воюющих народных движений психологические факторы стали доминирующими», «В прежних войнах важным почиталось завоевание территории. Впредь важнейшим будет почитаться завоевание душ во враждующем государстве»* [11, С. 101, 109].

В 1950-е гг. планы новых войн формировались с учетом монопольного обладания США атомным оружием, а после испытания атомного оружия СССР – с учётом того, что до достижения паритета еще далеко. Это проявляется в появлении концепций «опосредованной войны» и «кризисной дипломатии».

Опосредованная война (от англ. – proxy war), согласно определению К.В. Дойча: «Международный конфликт между двумя державами, которые стремятся достичь своих целей с помощью боевых действий, ведущихся с использованием населения, ресурсов и на территории третьей страны, прикрывая разрешением внутреннего конфликта в третьей стране свои цели и стратегии» [цит. по: 21, Р. 13; подробнее см.: 12; 13]. Опосредованная война предполагала активное использование дипломатических каналов.

Урегулирование кризисов и конфликтных ситуаций – одна из актуальных задач дипломатии. Критическим моментом после окончания

II-й Мировой войны стало развитие локальных конфликтов, большинство из которых оказались трудно управляемыми. Это стимулировало разработку новых концепций дипломатической практики. Дж.Л. Ричардсон предложил термин «кризисная дипломатия» для описания деятельности, направленной на использование превосходства в военных средствах для актуализации конфликта и формирования кризиса с целью активного давления на противника [22]. Яркими примерами «кризисной дипломатии» стали локальные войны и конфликты 1950-х–1960-х гг. Пиком кризисной дипломатии стал Карибский кризис 1962 г. План операции «Анадырь» разрабатывался с учётом того, что США обнаружат советские ракеты до того, как они будут смонтированы, что должно было спровоцировать кризис и побудить Америку начать переговоры с СССР. Итогом дипломатической игры стал отказ США от планов нападения на Кубу и вывод ядерных ракет с территории Турции. СССР получил прямую телефонную линию с США. В ответ СССР вывез ядерное оружие с Кубы.

Применение «кризисной дипломатии» становится малопродуктивным во 2-й половине 1960-х гг. и в 1970-е гг. из-за установления ядерного паритета СССР – США, а также формирования негативного общественного мнения о таком способе разрешения конфликтов.

«Общественное мнение» имело значительное влияние на конфликты уже в XX в. Это привело к изменению представлений о соотношении военных и невоенных (экономических, информационных и т.п.) средств и методов борьбы и существенному расширению понятийного аппарата, используемого для описания новой политической и военной реальности.

На рубеже 1970-х – 1980-х гг. оформилась концепция *track two diplomacy* («второго направления дипломатии»). Её противопоставляли первому – дипломатии официальной. *Track two diplomacy* – это представители науки, прессы, отставные дипломаты и госслужащие и т.п. По определению Дж. Монтвиля, *track two diplomacy* – «неофициальное, неформальное взаимодействие между членами враждебных друг другу общностей или наций,

целью которого является разработка стратегий, оказание влияния на общественное мнение, а также организация человеческих и материальных ресурсов, которые могли бы способствовать разрешению конфликта» [20, Рр. 253-270]. Типичным вариантом *track two diplomacy* стала поддержка со стороны США диссидентского движения в СССР, вовлечение в него известных деятелей культуры, учёных, формирование у них негативного отношения к политике СССР, в том числе в международных вопросах. *Track two diplomacy* повлияло на появление идей информационной войны – возможности «переиграть» противника за счет формирования негативного общественного мнения. Ярким примером проявления успехов *track two diplomacy* стало окончание «холодной войны», ключевым фактором которого было формирование негативного восприятия внешней политики и военно-политической активности СССР не только диссидентов, но и у населения в целом, а также у политической элиты СССР.

Основой достижения последней цели стала «теория (технология или метод) управляемой конфронтации» В.А. Лефевра [6, С. 48-51]. В.А. Лефевр консультировал руководство США в период подготовки к советско-американской встрече в Рейкьявике (прошла 11-12 октября 1986 г.). Он предложил стратегию, связанную с разделением требований США на множество мелких положений, большинство из которых сами по себе не будут вызывать конфликтной реакции у представителей СССР. Далее рекомендовалось избегать подписания официальных документов, добиваясь снижения напряженности «*de facto*». В итоге советское руководство было вынуждено принимать позицию США и в одностороннем порядке документально оформляло свои политические решения. Видимый компромисс на деле оказался скрытой манипуляцией, что привело к односторонним невыгодным решениям советского руководства. В силу того, что «уступки» не оформлялись «*de jure*», никакие озвученные на переговорах гарантии не имели международно-правового значения. Отрицательные последствия принятых тогда руководством СССР решений Россия, как

правопреемница Советского Союза, ощущает до сих пор. Применение этой концепции оказалось по времени ограниченным и при администрации Б. Клинтона сменилось поиском иных теоретических оснований международной политики и планирования войн.

В середине 1990-х гг. в военную теорию и практику вводится терминология кибернетики и синергетики.

Яркий пример новых идей – теория «управления хаосом» С. Манна, впервые опубликованная в 1992 г. С. Манн исходит из того, что представления о социальной значимости стабильности преувеличены. Если отказаться от традиционного страха перед хаосом, то можно научиться им управлять. Хаос – это возможность, энергия кризиса – это начало пути к изменениям [см. 16, Р. 54-68]. Основная мысль С. Манна: если перевести социум в состояние «политической критичности», оно неизбежно ввергнет себя в хаос и «перестройку». Управление хаосом может служить как цели «социального созидания», так и использоваться для геополитических манипуляций и асоциальных разрушений. С. Манн отмечал, что «американское преимущество в коммуникациях» позволяет проводить «идеологическое заражение», которое, став самовоспроизводящимся, будет распространяться хаотически: «Это единственный путь к построению долговременного мирового порядка. Если мы не сумеем достичь таких идеологических изменений в мире, то нам останется только довольствоваться спорадическими перерывами между катастрофическими переустройствами». «Политика – это продолжение войны лингвистическими средствами» [16, Р. 57: «Politics is a continuation of war by linguistic means»].

В начале 1990-х гг. в военных и политических кругах США большую популярность получают идеи «ненасильственной борьбы» Д. Шарпа и А. Рапопорта, которые разрабатывали её с 1960-х гг.

Д. Шарп выделил и описал разнообразные методы ненасильственной борьбы, рассмотрев как уже имевшие место быть, так и возможные в будущем варианты их одновременного применения. Д. Шарп видит в методах

ненасильственных действий эффективное средство уничтожения авторитарных и диктаторских режимов, считая, что их эффективность определяется минимизацией страданий и жертв. В 1973 г. в «The Politics of Nonviolent Action» («Политика ненасильственного действия») Д. Шарп охарактеризовал «198 методов ненасильственных действий» [см.: 23]. Эти идеи в конце XX в. стали основой представлений об информационной войне (Information War).

Современное состояние мировой экономики характеризуется: замедлением темпов инновационной активности; нарастанием глобальной инфляции; достаточно длительным (более 2-х лет) влиянием фактора пандемии COVID-19; наличием борьбы за ключевые ресурсы (топливо, вода и др.); конфликтов на почве прав на экологически вредную, но экономически необходимую деятельность (выбросы углеводородов в атмосферу; создание и утилизация отходов, в том числе вредных и др.). С момента возникновения государств возникающие противоречия разрешались применением военной силы. Но сегодня полноценное применение накопленных арсеналов сдерживает осознание того факта, что оно приведёт к отрицательным последствиям для всех сторон, в том числе и для сделавшей первый шаг. Это приводит к тому, что по мнению специалистов «сегодня маловероятны конфликты, в которых будут воевать между собой две и более высокотехнологичных армий» [7, С. 8]. Опыт ведения боевых действий США и их союзников в конце XX – начале XXI в. продемонстрировал, что боевое применение сил и средств имеет низкую эффективность при решении поставленных задач: «Формирование и поддержание группировки сил и средств, к примеру, по той же Югославии или по Ираку обошлись американским и европейским налогоплательщикам в очень значительную сумму ... от всей мощи созданных группировок эффективно применялись лишь несколько процентов» [7, С. 9; 1, С. 22-23].

Понятие «информационная война» связывают с подготовкой директивы Министерства обороны США DOD S 3600.1 (принята 21 декабря 1992 г.,

изменения вносились 9 декабря 1996 г.) [14]. В этом документе понятие имело узкий смысл и рассматривалось в качестве разновидности радиоэлектронной борьбы. Соответственно субъектами информационной войны, при такой трактовке, были только Вооружённые Силы. Информационная война (как война вообще) мыслилась состоящей из информационных кампаний, информационных операций и т.д. В отчете корпорации RAND «Strategic Information Warfare. A New Face of War» (MR-661-0SD, 1996) был введён термин «strategic information war (informational confrontation)» – «стратегическая информационная война (информационное противоборство)» [18, Р. 4]. Суть стратегической информационной войны отражалась в отчете RAND 1998 г. «Strategic Information Warfare Rising» MR-964-OSD [19]. Со второй половины 1990-х гг. RAND регулярно готовит отчёты, затрагивающие различные аспекты информационного противостояния. Последний из подготовленных RAND документов – «Оценка эффективности кампаний по связям с общественностью и их значения для стратегической конкуренции с Россией» [17]. В качестве выявленных особенностей Российского населения отмечаются следующие:

- наиболее эффективны кампании «лицом к лицу» и повторяющиеся акции. Они, как правило, в среднем оказывают большее влияние на убеждения, мотивации и поведение, чем те, что проводятся по телевидению или в Интернете;

- ориентация на определенную подгруппу населения значительно увеличивает вероятность успеха информационных кампаний, особенно если упор делается целенаправленно на группы сверстников или нормы сообщества;

- в сложной среде, где люди «бомбардируются» множеством сообщений, враждебные усилия по обмену сообщениями, как правило, нейтрализуют друг друга.

На основе этих особенностей RAND формирует рекомендации для властей США:

– проводить энергичные кампании по укреплению устойчивости западных политических институтов и норм. Коммуникационные кампании, подобные тем, которые проводит Россия, более эффективны, если им не противодействуют альтернативы;

– формировать кампании на основе глубокого анализа целевых групп населения;

– проводить длительные кампании с упором на последовательное развитие темы (запускать медиа-вирусы);

– работать через местных участников и проводить личные кампании там, где это возможно.

– не поддаваться желанию вести «информационную войну» с Россией по принципу «око за око». Слабости (уязвимости) России отличаются от слабостей США, и стратегии конкуренции, направленные на то, чтобы возложить на Россию издержки, должны учитывать этот факт.

Проделанный нами анализ показывает, что развитие стратегических концепций в XX-XXI вв. отражает возрастающую роль социальных факторов в геополитическом противостоянии. Все проанализированные концепции отражали суть проблем и понимание путей их решения, характерных для конкретных периодов. Стремительное изменение ситуации, в том числе появление новых высокотехнологичных средств вооружённой борьбы, способствовали быстрому обновлению концепций взаимного противостояния. Только концепция «тотальной войны» продержалась более двух десятков лет, остальные концепции использовались куда меньший срок. Современное противостояние характеризуется развитием идей информационной войны. Очевидным трендом последних лет стала трактовка информационного противостояния не только как высокотехнологичного, но и направленного на сферу коллективной психологии (ментальности).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Арзуманян Р.В. Стратегия иррегулярной войны: теория и практика применения. Теоретические и стратегические проблемы концептуализации, религиозные и военно-политические отношения в операционной среде иррегулярных военных действий / Под общ. ред. А.Б. Михайловского. М.: АНО ЦСОиП, 2015. 334 с.
2. Ближенков В.Л. Первая германская тотальная война // Вопросы национализма. 2014. № 3 (19). С. 116-128.
3. Бовдаренко С. Германский фашизм и советская Украина. М.; Л.: Соцэкгиз, 1934. 104 с.
4. Ильницкий А.М. Безопасность страны как фундамент развития // Арсенал Отечества. 2021. № 1 (51) [Электронный ресурс]. URL: <https://arsenal-otechestva.ru/article/1414-bezopasnost-strany-kak-fundament-razvitiya> (дата обращения: 10.08.2021).
5. Ильницкий А.М. Ментальная война России // Военная мысль. 2021. № 8 (16 августа). С. 19-33.
6. Лефевр В.А. Просчеты миротворчества // Рефлексивные процессы и управление. 2002. Т. 2. № 2. С. 48-51.
7. Михайловский А.Б. Предисловие редактора // Арзуманян Р.В. Стратегия иррегулярной войны: теория и практика применения. Теоретические и стратегические проблемы концептуализации, религиозные и военно-политические отношения в операционной среде иррегулярных военных действий / Под общ. ред. А.Б. Михайловского. М.: АНО ЦСОиП, 2015. С. 8-11.
8. Поправко Е.А. «Политрук хуже врага»: сравнительный анализ образов и приемов финляндской (1939-1940) и белогвардейской (1918-1920) пропаганды // Актуальные проблемы истории Советско-Финляндской войны 1939-1940 гг. в контексте современной теории и практики военного строительства и ведения боевых действий. К 80-летию начала Советско-

- финляндской войны: Сб. статей Междунар. научн. конфер. СПб.: МВАА, 2019. С. 152-157.
9. Поправко Е.А. «Пусть вдохновляет вас в этой войне...»: трансформация советского патриотизма в годы Великой Отечественной войны // Сборник статей международной научной конференции «1941 год. Уроки и выводы» (к 80-летию начала Великой Отечественной войны). СПб.: МВАА, 2021. С. 173-179.
 10. Поправко Е.А. Советский плакат 1920-1945 гг. как источник формирования «образа врага» в контексте информационного обеспечения Дальневосточной кампании 1945 г. // Астраханские Петровские чтения: материалы V Международной научной конференции «Историческая правда и память о Великой Отечественной войне», посвященной 75-летию Великой Победы (г. Астрахань, 27 ноября 2020 г.). Астрахань: Астраханский государственный университет, 2021. С. 184-190.
 11. Хочешь мира, победи мятежевойну! Творческое наследие Е.Э. Месснера. М.: Военный университет, Русский путь, 2005. 696 с., ил. (Российский военный сборник).
 12. Deutsch K.W. The Analysis of International Relations. Englewood Cliffs, New Jersey: Prentice-Hall Publ., 1978. 312 p.
 13. Deutsch K. W. The Nerves of Government: Models of Political Communication and Control. New York: Free Press, 1966. 316 p.
 14. DODD S 3600.1 Information Operations (IO) [Электронный ресурс]. URL: https://archive.org/details/DODD_S3600.1 (дата обращения: 10.08.2021).
 15. Ludendorff E. Der Total Krieg. Munchen: Ludendorffs Verlag, 1935. 130 s. [Электронный ресурс]. URL: <https://archive.org/details/erich-ludendorff-der-totale-krieg-1935-130-s.-scan-fraktur> (дата обращения: 10.08.2021).
 16. Mann S.R. Chaos Theory and Strategic Thought // Parameters (US Army War College Quarterly). 1992. Vol. XXII. Autumn. Pp. 54-68.
 17. McCulloch C., Watts S. Evaluating the Effectiveness of Public Communication Campaigns and Their Implications for Strategic Competition with Russia. Santa

- Monica: RAND, 2021. 20 p. [Электронный ресурс]. URL: https://www.rand.org/pubs/research_reports/RRA412-2.html (дата обращения: 10.08.2021).
18. Molander R.C., Riddile A., Wilson P.A. Strategic Information Warfare. A New Face of War. Santa Monica: RAND, 1996. 115 p. [Электронный ресурс]. URL: https://www.rand.org/pubs/monograph_reports/MR661.html (дата обращения: 10.08.2021).
19. Molander R.C., Wilson P.A., Mussington B.D., Mesic R. Strategic Information Warfare Rising. Santa Monica: RAND, 1998. 113 p. [Электронный ресурс]. URL: https://www.rand.org/pubs/monograph_reports/MR964.html (дата обращения: 10.08.2021).
20. Montville J.V. Transnationalism and the Role of Track Two Diplomacy // In Approaches to Peace: An Intellectual Map / Ed. by W.S. Thompson and K.M. Jensen. Washington, D.C.: United States Institute of Peace Press, 1991. Pp. 253-270.
21. Mumford A. Proxy Warfare. Cambridge: Polity Press, 2013. 141 p.
22. Richardson J.L. Crisis Diplomacy: The Great Powers since the Mid-Nineteenth Century. New York: Cambridge University Press, 1994. 426 p.
23. Sharp G. The Politics of Nonviolent Action: Parts 1-3. Boston: Porter Sargent Publ, 1973. 893 p. [Электронный ресурс]. URL: <https://archive.org/details/genesharpthepoliticsofnonviolentaction/mode/2up> (дата обращения: 10.08.2021).

REFERENCES:

1. Arzumanyan R.V. Irregular war strategy: theory and practice of application. Theoretical and strategic problems of conceptualization, religious and military-political relations in the operating environment of irregular military operations / Ed. by A.B. Mikhailovskiy. M.: ANO TsSOiP, 2015. 334 p.
2. Bliznekov V.L. The First German Total War // Issues of Nationalism. 2014. No. 3 (19). Pp. 116-128.

3. Bovdarenko S. German fascism and Soviet Ukraine. M.; L.: Sotsekiz, 1934. 104 p.
4. Ilnitskiy A.M. Security of the country as a foundation for development // Arsenal of the Fatherland. 2021. No. 1 (51) [Electronic resource]. URL: <https://arsenal-otechestva.ru/article/1414-bezopasnost-strany-kak-fundament-razvitiya> (Access date: 10.08.2021).
5. Ilnitskiy A.M. Mental war of Russia // Military thought. 2021. No. 8 (August 16). Pp. 19-33.
6. Lefevre V.A. Miscalculations of peacekeeping // Reflexive processes and management. 2002. Vol. 2. No. 2. Pp. 48-51.
7. Mikhailovskiy A.B. Editor's preface // Arzumanyan R.V. Irregular war strategy: theory and practice of application. Theoretical and strategic problems of conceptualization, religious and military-political relations in the operating environment of irregular military operations / Ed. by A.B. Mikhailovsky. M.: ANO TsSOiP, 2015. Pp. 8-11.
8. Popravko E.A. "A political officer is worse than an enemy": a comparative analysis of the images and methods of Finnish (1939-1940) and White Guard (1918-1920) propaganda // Actual problems of the history of the Soviet-Finnish war of 1939-1940. In the context of modern theory and practice of military construction and combat operations. To the 80th anniversary of the beginning of the Soviet-Finnish war: Coll. articles of the International scientific conf. St. Petersburg: MVAA, 2019. Pp. 152-157.
9. Popravko E.A. "Let it inspire you in this war...": the transformation of Soviet patriotism during the Great Patriotic War // Collection of articles of the international scientific conference "1941. Lessons and Conclusions" (to the 80th anniversary of the beginning of the Great Patriotic War). St. Petersburg: MVAA, 2021. Pp. 173-179.
10. Popravko E.A. Soviet poster of 1920-1945 as a source of the formation of the "image of the enemy" in the context of information support of the Far Eastern campaign of 1945 // Astrakhan Petrovsky readings: materials of the V

International scientific conference "Historical truth and memory of the Great Patriotic War", dedicated to the 75th anniversary of the Great Victory (Astrakhan, 27 November 2020). Astrakhan: Astrakhan State University, 2021. Pp. 184-190.

11. If you want peace, defeat the rebel war! Creative heritage of E.E. Messner. Moscow: Military University, Russian Way, 2005. 696 p., ill. (Russian military collection).
12. Deutsch K.W. The Analysis of International Relations. Englewood Cliffs, New Jersey: Prentice-Hall Publ., 1978. 312 p.
13. Deutsch K. W. The Nerves of Government: Models of Political Communication and Control. New York: Free Press, 1966. 316 p.
14. DODD S 3600.1 Information Operations (IO) [Electronic resource]. URL: https://archive.org/details/DODD_S3600.1 (Access date: 10.08.2021).
15. Ludendorff E. Der Total Krieg. Munchen: Ludendorffs Verlag, 1935. 130 s. [Electronic resource]. URL: <https://archive.org/details/erich-ludendorff-der-totale-krieg-1935-130-s.-scan-fraktur> (Access date: 10.08.2021).
16. Mann S.R. Chaos Theory and Strategic Thought // Parameters (US Army War College Quarterly). 1992. Vol. XXII. Autumn. Pp. 54-68.
17. McCulloch C., Watts S. Evaluating the Effectiveness of Public Communication Campaigns and Their Implications for Strategic Competition with Russia. Santa Monica: RAND, 2021. 20 p. [Electronic resource]. URL: https://www.rand.org/pubs/research_reports/RRA412-2.html (Access date: 10.08.2021).
18. Molander R.C., Riddile A., Wilson P.A. Strategic Information Warfare. A New Face of War. Santa Monica: RAND, 1996. 115 p. [Electronic resource]. URL: https://www.rand.org/pubs/monograph_reports/MR661.html (Access date: 10.08.2021).
19. Molander R.C., Wilson P.A., Mussington B.D., Mesic R. Strategic Information Warfare Rising. Santa Monica: RAND, 1998. 113 p. [Electronic resource].

URL: https://www.rand.org/pubs/monograph_reports/MR964.html (Access date: 10.08.2021).

20. Montville J.V. Transnationalism and the Role of Track Two Diplomacy // In Approaches to Peace: An Intellectual Map / Ed. by W.S. Thompson and K.M. Jensen. Washington, D.C.: United States Institute of Peace Press, 1991. Pp. 253-270.
21. Mumford A. Proxy Warfare. Cambridge: Polity Press, 2013. 141 p.
22. Richardson J.L. Crisis Diplomacy: The Great Powers since the Mid-Nineteenth Century. New York: Cambridge University Press, 1994. 426 p.
23. Sharp G. The Politics of Nonviolent Action: Parts 1-3. Boston: Porter Sargent Publ, 1973. 893 p. [Electronic resource]. URL: <https://archive.org/details/genesharppoliticsofnonviolentaction/mode/2up> (Access date: 10.08.2021).

Никитин Юрий Александрович

доктор экономических наук, профессор

заведующий кафедрой военно-политической работы в войсках (силах)

Военная академия материально-технического обеспечения имени генерала

армии А.В. Хрулёва

199034, Санкт-Петербург, наб. Макарова, д. 8

yunikiti@yandex.ru

SPIN-код: 2029-6020

Поправко Елена Александровна

доктор исторических наук, доцент

профессор кафедры военно-политической работы в войсках (силах)

Военная академия материально-технического обеспечения имени генерала

армии А.В. Хрулёва

199034, Санкт-Петербург, наб. Макарова, д. 8

elena_popravko@mail.ru

SPIN-код: 9185-0174

Nikitin Yury Aleksandrovich

Doctor of Economic Sciences, Professor

Head of the Department of military-political work among troops (forces)

Military Logistics Academy named by Army General A.V. Khrulev

Makarov embankment, d. 8, St. Petersburg, Russia, 199034

Popravko Elena Aleksandrovna

Doctor of Historical Sciences, Associate Professor

Professor at the Department of military-political work among troops (forces)

Military Logistics Academy named by Army General A.V. Khrulev

Makarov embankment, d. 8, St. Petersburg, Russia, 199034

5.5.2. Политические институты, процессы, технологии.